Без малого полтора десятилетия отделяют нас от смерти великого композитора XX столетия Дмитрия Шостаковича. Многие страницы его жизни и творчества еще предстоит открыть. И надо торопиться: немного осталось тех, кто близко знал композитора, непосредственных свидетелей драматических событий, которыми, к сожалению, оказалась так обильна биография мастера. Сегодня мы публикуем отрывки из воспоминаний И. Д. Гликмана, профессора Ленинградской консерватории, одного из самых близких друзей и соратников Шостаковича. Они вошли в книгу «Письма к другу», которая готовится к изданию Ленинградским отделением издательства «Советский композитор».

Казнь «Леди Макбет»

О драматической судьбе оперы Д. Шостаковича «Катерина Измайлова»

С самых юных лет я был без ума от Шостаковича. Я восхищался не только его талантом, но и внешним обликом. Меня пленяли тонкость, оригинальность, благородство его лица, на котором сверкали за стеклами очков прекрасные серые глаза — умные и проницательные, задумчивые или искрящиеся смехом.

В иных писаниях молодой Шостакович изображается физически слабым, немощным и даже хилым. Мне эти утверждения представляются глубоко ошибочными. Он был, на мой взгляд, хорошего роста, стройным, гибким, сильным. Ему очень шла одежда, а во фраке или смокинге он был обворожителен. Его голова была украшена великолепными темно-русыми волосами, аккуратно расчесанными или лежащими в «поэтическом» беспорядке с озорной, непокорной прядью, падающей на лоб. Улыбаясь, он обнажал отличные зубы. В тридцатые годы Дмитрий Дмитриевич выглядел гораздо моложе своих лет.

Личное знакомство с Шостаковичем я считал несбыточной мечтой, тем не менее оно произошло осенью 1931 года в филармонии при посредстве Ивана Ивановича Соллертинского, которого я знал. Рукопожатие гения я воспринял тогда как счастливое событие в моей жизни...

В тридцатых годах ленинградские композиторы были ревностными, постоянными посетителями филармонических концертов, среди них был, конечно, и Дмитрий Дмитриевич. Существовал и другой обычай, впоследствии исчезнувший. Музыканты всех родов оружия имели обыкновение систематически появляться в дневные часы в обширной гостиной, примыкавшей к кабинету директора и художественного руководителя филармонии. Гостиная чем-то напоминала клуб, в котором очень часто можно было увидеть В. В. Щербачева, Ю. А. Шапорина, В. М. Дешевова, Б. А. Арапова, А. С. Животова, А. Ф. Пащенко, В. В. Желобинского, Л. В. Николаева, В. В. Софроницкого, А. В. Гаука, Е. А. Мравинского, Н. С. Рабиновича, М. С. Друскина, разумеется, И. И. Соллертинского. В этот импровизированный клуб любил наведываться и Д. Д. Шостакович. Здесь непринужденно велись беседы на музыкальные, театральные или деловые темы, порой перемежавшиеся исполнением каких-либо симфонических новинок.

Я не спускал глаз с Дмитрия Дмитриевича, жадно прислушивался к каждому его слову. Время от времени я с юношеской отвагой встревал в общую беседу, отпускал какие-то шутки, быть может, удачные, на которые с заливистым смехом несколько раз реагировал мой кумир. Так или иначе, но я был им замечен, и это стало предметом моей гордости. К концу 1932 года мои отношения с Дмитрием Дмитриевичем приобрели форму приятельства, и это можно утверждать без всяких натяжек...

Между тем приближался вечер Шостаковича в Большом зале филармонии. Я ждал его с волнением, нетерпением и устроил маленькую выставку, посвященную автору. Концерт состоялся 17 января 1933 года. На нем исполнялась Пассакалия с органом из «Леди Макбет Мценского уезда», еще не поставленной в Малом оперном театре. Этот шедевр Шостаковича был горячо встречен публикой, но более шумный успех выпал на долю двух сюит из балетов «Золотой век» и «Болт».

Дмитрий Дмитриевич, довольный концертом, пригласил меня на ужин к себе домой на улицу Марата, которую мы по привычке называли Николаевской. Мне была оказана большая честь, и я не помнил себя от радости, шагая в морозную ночь к дому, который столь недавно был для меня недоступным. Среди гостей я был самым младшим и неприметным, но Дмитрий Дмитриевич как истый интеллигент принимал всех без чинов, с одинаковым радушием. В ту памятную для меня ночь он был обворожительно весел, пружинисто легок, стремителен...

По моему убеждению, личность Дмитрия Дмитриевича существовала в гармоническом единстве с его музыкой. Так же, как и она, он был душевно чист, искренен, благороден, гуманен, величав в своих страданиях, искрометно остроумен в минуты радости, саркастичен перед лицом несправедливости. Он любил повторять формулу пушкинского Моцарта о гении и злодействе, она была для него заветной и священной, не подлежащей никаким компромиссным истолкованиям.

В тридцатых годах на долю Шостаковича выпали чрезвычайно трудные испытания, и я восхищался его поведением. Оно чем-то таинственно мне напоминало бесплотных, но вместе с тем трепетно живых лирических героев его симфонической и камерной музыки: скорбные раздумья в сочетании с несокрушимой силой духа.

Само собой разумеется, что история «Леди Макбет» исполнена большого драматизма, и об этом пока еще ничего не написано...

«Леди Макбет» принесла Шостаковичу поистине гигантскую, ни с чем не сравнимую на моей памяти славу. Ее постановка (у нас и за рубежом) вызвала бурю восторгов. И когда триумф достиг своего апогея, над оперой внезапно разразилась катастрофа. Статья «Сумбур вместо музыки», опубликованная в газете «Правда» в конце января 1936 года, низринула Шостаковича с той головокружительной высоты, куда его вознесла гениальная опера.

Событие это застигло Дмитрия Дмитриевича в Архангельске, куда он ездил концертировать. И вот в эту критическую минуту 29-летний Шостакович с мудростью многоопытного сердцеведа-психолога посылает мне из Архангельска телеграмму, в которой просит немедленно подписаться на газетные вырезки.

Ведь он ими раньше не пользовался, когда его хвалили! Зачем они ему вдруг понадобились? Я недоумевал, но, конечно, выполнил просьбу Дмитрия Дмитриевича. Оказывается, ему было захватывающе интересно узнать, что и как будут писать о «Леди Макбет» хорошо знакомые музыканты. Увы! Он не был обманут в своих безрадостных ожиданиях. Очень многие поклонники оперы с большим пафосом критиковали и изобличали ее в различных газетах, и Дмитрий Дмитриевич с исключительным самообладанием и выдержкой читал ежедневно получаемые в большом изобилии газетные вырезки. Да, не зря они были выписаны!..

Душа его была глубоко уязвлена, но вел он себя с удивительным достоинством и благородной гордостью, не ища ни у кого поддержки или сочувствия. Иные лжеприятели, горестно качая головой, каркали о «закате и конце» автора «Леди Макбет», а сам он, начисто лишенный самомнения и самодовольства, непоколебимо верил в свои творческие силы. И я бы прибавил — неиссякаемые, необъятные: Четвертая симфония была близка к завершению, а сквозь магический кристалл виднелись очертания Пятой!

Как раз в это время Дмитрий Дмитриевич однажды сказал мне: «Если мне отрубят обе руки, я буду все равно писать музыку, держа перо в зубах».

Эта грозная фраза, произнесенная как бы деловито, с какой-то невероятной простотой, без какой бы то ни было аффектации, совершенно потрясла меня. Мороз подирал меня по коже. На один миг я вообразил эту зловещую фантасмагорию в духе Данте. У меня пропали все слова. Я растерянно молчал.

Дмитрий Дмитриевич, не собиравшийся поразить, ошеломить меня своим признанием, внимательно и подчеркнуто спокойно взглянул мне в глаза и сразу же, без переходов, переменил тему нашей беседы. Мы вели ее в то утро, почему-то стоя друг против друга. Солнце било в окно кабинета и освещало совсем молодого на вид, внешне очень привлекательного, еще не достигшего тридцатилетнего возраста Шостаковича, исполненного решимости и художнического бесстрашия.

Он намеренно не присутствовал на многодневном обсуждении статьи в газете «Правда» в Ленинградском союзе композиторов, что было воспринято некоторыми авторитетными лицами как проявление гордыни. Обсуждение это было трудным, тяжелым, чтобы не сказать мучительным. Впрочем, смотря для кого?! Иные участники, упражняясь в красноречии, радостно гарцевали над поверженной оперой.

Дмитрий Дмитриевич, находясь в Москве, просил меня после каждого заседания по возможности подробно писать ему о ходе обсуждения, причем писать протокольно, без эмоций, что я неукоснительно и делал. Много лет спустя Дмитрий Дмитриевич как-то высказал сожаление, что письма эти, носившие на себе нестираемую печать времени, канули в вечность.

...К несчастной судьбе оперы «Леди Макбет» я возвращаюсь спустя два с лишним десятилетия. Помню, в марте 1955 года Д. Д. Шостакович попросил меня критически пересмотреть весь текст оперы и внести в него изменения и поправки сообразно моему вкусу. В течение месяца я подтекстовал многие страницы клавира, стремясь сохранить дух той или иной фразы, облекая его в другие словесные формы.

15 апреля 1955 года я показал Дмитрию Дмитриевичу мою подтекстовку, которая была им одобрена. Вскоре получил от него письмо из Москвы, датированное 21 апреля 1955 года. В нем можно прочесть такие строки:

«Дорогой Исаак Давыдович, большое тебе спасибо за твой труд. Я сейчас присобачиваю его к своему клавиру и страшно жалею, что свой труд ты выполнил лишь сейчас, а не 22 года тому назад».

Зимой следующего года от Д. Д. Шостаковича вновь пришло письмо:

«...Пишу тебе сразу же после нашего с тобой телефонного разговора. Забыл тебе сказать о следующем (вернее, не сказать, а поделиться некоторыми своими мыслями).

Я выполнил просьбу Б. И. Загурского и имел беседу с В. М. Молотовым, который повторил свое указание о прослушивании авторитетной комиссией «Леди Макбет».

Вчера я видел тт. Михайлова, Кафтанова, Кеменова и других руководящих работников Министерства культуры, но они, мило беседуя со мной, не затронули вопроса о «Леди Макбет». Сам же я не считаю удобным поднимать этот вопрос. Д. Б. Кабалевский сейчас болен и, по-видимому, ждут его выздоровления, чтобы создать соответствующую комиссию. Мне кажется, что сейчас лучше было бы, чтобы настойчивость проявлял Б. И. Загурский, а не я. Никаких справок о том, когда будут прослушивать «Леди Макбет», я наводить не буду. Мне кажется, что я и так много сделал (см. начало этого письма).

Если комиссия соберется слушать «Леди Макбет», то я очень прошу тебя приехать. И не для защиты оперы, а просто так, в качестве дружеской руки.

Прими мои лучшие пожелания.

Передай привет Вере Васильевне.

Твой Д. Шостакович...».

Здесь необходимы пояснения. Директор Ленинградского Малого оперного театра Борис Иванович Загурский добивался разрешения поставить «Леди Макбет» («Катерину Измайлову»), без которого опальная опера не могла появиться на сцене. Для этой цели он настойчиво просил Шостаковича лично обратиться к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Вячеславу Михайловичу Молотову.

Дмитрий Дмитриевич скрепя сердце выполнил эту просьбу, ибо он страх как не любил отстаивать свои интересы, хлопотать за себя, в особенности у высокопоставленных лиц. В результате встречи с В. М. Молотовым последовало распоряжение о создании комиссии для ознакомления со второй редакцией «Леди Макбет». Д. Б. Кабалевский, будучи членом коллегии Министерства культуры СССР, стал председателем упомянутой комиссии, в которую вошли композитор М. И. Чулаки, музыковед Г. Н. Хубов, дирижер Целиковский, возглавлявший отдел музыкальных театров Министерства культуры СССР. На заседание комиссии были приглашены из Ленинграда Б. И. Загурский, главный дирижер Малого оперного театра Г. А. Дониях и я в качестве автора новых подтекстовок оперы.

Нельзя сказать, что Шостакович относился безучастно к предстоящему прослушиванию «Леди Макбет». В начале февраля 1956 г. он попросил меня приехать в Москву, чтобы поговорить о предстоящей процедуре и попутно присутствовать на московской премьере Скрипичного концерта с Ойстрахом и Мравинским, который имел громадный успех.

11 или 12 марта 1956 г. состоялось наконец прослушивание «Леди Макбет». Министерству культуры понадобилось около трех месяцев, чтобы его организовать. Оно неспроста не торопилось. Мне кажется, что отрицательный результат был заранее предопределен.

Вероятно, по совету Д. Б. Кабалевского заседание происходило не в Министерстве культуры или в Союзе композиторов, а в квартире Шостаковича на Можайском шоссе. То был жест уважения к знаменитому автору.

Комиссия появилась в кабинете Дмитрия Дмитриевича после полудня в назначенный час. Все радостно приветствовали хозяина дома. Мне показалось, что ничто не предвещало провала всей затеи. Шостакович, изрядно нервничая, роздал загодя перепечатанные на пишущей машинке экземпляры текста либретто в новой редакции. Дмитрий Дмитриевич был озабочен тем, чтобы вторая редакция «Катерины Измайловой» (и в музыкальном, и в словесном текстах) считалась дефинитивной, не подлежащей возвращению к первой редакции. Об этом он впоследствии сделал в назидание дирижерам и режиссерам категорическую надпись на титульном листе партитуры «Катерины Измайловой». Затем он сел к роялю и прекрасно исполнил оперу.

После недолгого перерыва, во время которого члены комиссии сделались неприступно-суровыми, началось обсуждение. Опера подверглась самой ожесточенной критике, в духе печально известной статьи «Сумбур вместо музыки».

Б. И. Загурский и Г. А. Дониях, потрясенные ходом обсуждения, хранили гробовое молчание. Шостакович слушал ораторов, сидя один на большом диване. Он прислонился к его широкой спинке, словно ища в ней опору. (Этот диван и поныне стоит в бывшем кабинете Д. Д. Шостаковича на улице Нежданової). Глаза его были закрыты. Ему, наверное, было невтерпеж смотреть на своих коллег, изощрявшихся в ругани. На его лице время от времени появлялась болезненная гримаса.

Я, к величайшему неудовольствию комиссии, говорил два раза, говорил взволнованно, горячо о необходимости незамедлительно поставить великую оперу, музыка которой 20 лет тому назад была объявлена «сумбуром». Г. Н. Хубов то и дело прерывал меня резкими, визгливыми выкриками. Он пытался сбить меня. Ему это сделать не удалось, хотя в конечном счете речь моя осталась гласом вопиющего в пустыне. Комиссия единодушно решила не рекомендовать к постановке «Леди Макбет» ввиду ее крупных идейно-художественных дефектов.

14 марта 1956 года я вернулся из Москвы домой, еще не очухавшись, не придя в себя от вторичной казни «Леди Макбет», на этот раз учиненной просвещенными музыкантами.

По горячим следам я сделал короткую запись об этом достопамятном заседании, о котором, по всей вероятности, биографы Шостаковича ничего не знают. Я позволю себе процитировать эту запись, смягчая некоторые обороты и выражения, вырвавшиеся из-под моего пера в порыве гнева, смею заметить, справедливого.

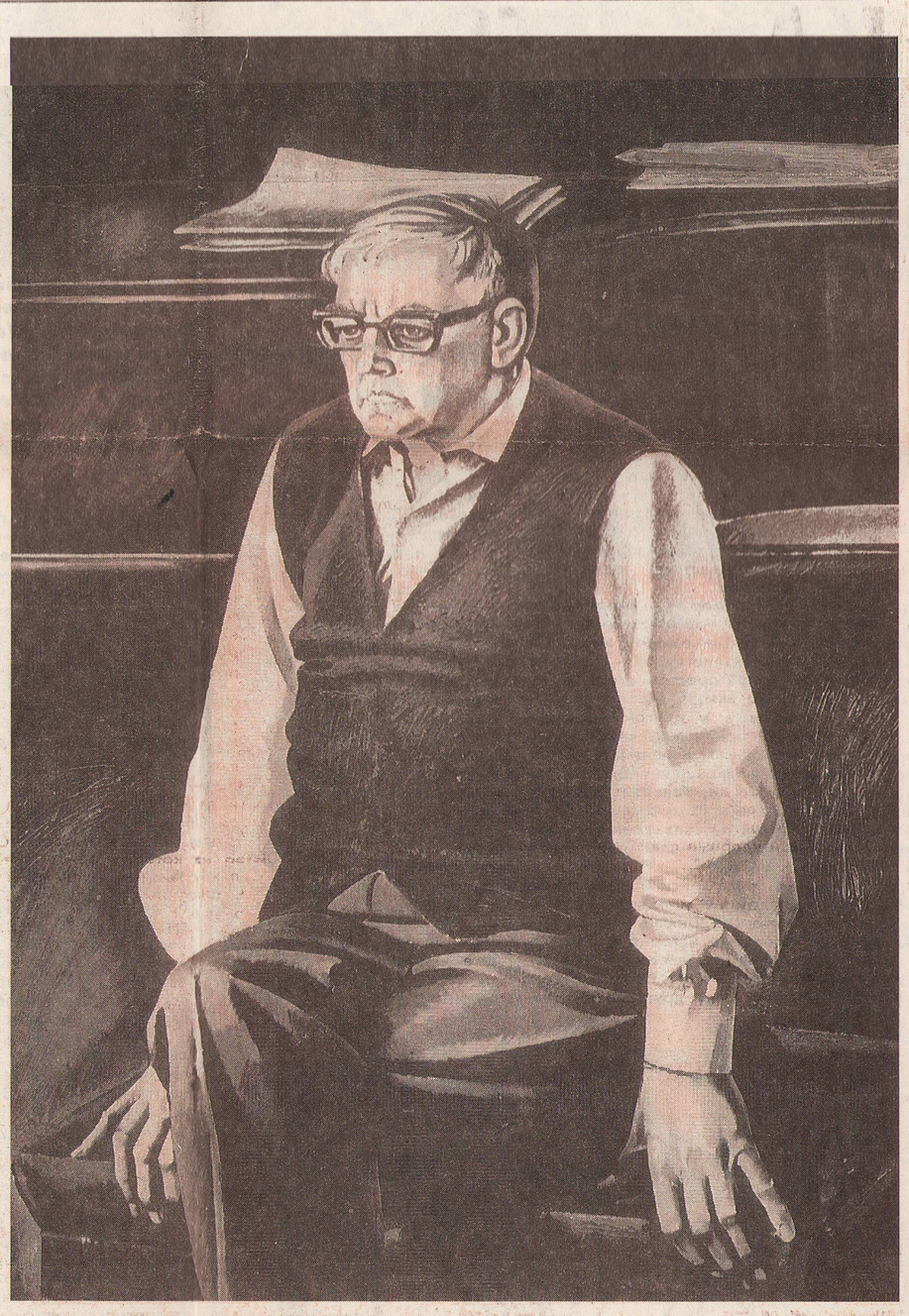
Цитирую с некоторыми купюрами:

«Обсуждение «Леди Макбет» можно назвать постыдным. Хубов, Кабалевский и Чулаки все время ссылались на статью «Сумбур вместо музыки». Особенно усердствовали Хубов и Кабалевский. Они сравнивали отдельные куски музыки с разными абзацами этой статьи, наполненной бранью. Они при этом повторяли, что статью до сих пор никто не отменял, и она сохранила свою силу и значение. (Еще бы! Ведь в ней говорится, что в опере «музыка ухает, крякает, пыхтит и задыхается»).

Кабалевский делал комплименты некоторым местам оперы, и это было вдвойне неприятно слушать. В заключение он сказал (в качестве председателя комиссии), что оперу ставить нельзя, так как она является апологией убийцы и развратницы и его нравственность этим очень ущемлена... Я говорил довольно убедительно, но все мои доводы разбивались об эту статью, которой Кабалевский и Хубов размахивали, как дубинкой.

В конце прений Кабалевский просил высказаться Дмитрия Дмитриевича, называя его с дружеской фамильярностью Митей, но тот отказался говорить и с удивительным самообладанием поблагодарил «за критику»...».

И. ГЛИКМАН.



● *Т. САЛАХОВ. «Портрет Дмитрия Шостаковича».*

ОТ РЕДАКЦИИ

Опера Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет» (в новой редакции «Катерина Измайлова») в последующие десятилетия, еще при жизни композитора вернулась на отечественную сцену. Событийными явились в свое время постановки ее в Московском музыкальном театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко (режиссер Л. Михайлов, дирижер Д. Китаенко), в Киевском оперном театре (режиссер И. Молостова, дирижер К. Симеонов). Были созданы телефильм и кинофильм «Катерина Измайлова». Что же сегодня? Казалось бы, ставшее уже классическим произведение должно идти в наших оперных театрах наравне с сочинениями Глинки, Чайковского, Мусоргского. Однако попробуйте найти сегодня это название в афишах. За исключением недавней постановки на сцене Свердловского театра опера Шостаковича нигде сегодня не идет. Не идет даже там, где числится в репертуаре,— в Большом театре и Московском музыкальном театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Еще более прискорбно ее отсутствие в репертуаре ленинградских театров — Кировского и Малого оперного. Ведь именно здесь, в городе на Неве, это сочинение было создано и впервые увидело свет рампы. Невольно хочется воззвать: «Очнитесь от глухоты, уважаемые деятели музыкального театра!» Пока не поздно. Целые поколения могут пройти мимо, так и не приобщившись к этому, поистине гениальному творению музыки XX века.